

ЭКЗОТИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ И. К. КАЛАШНИКОВА «ЖЕСТОКИЙ ВЕК»

(на материале названий одежды, пищи и быта)

В. М. Егодурова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

Статья посвящена выявлению экзотизмов в романе с точки зрения их роли в русскоязычном художественном тексте для отображения национальной картины мира монголоязычных народов, а также рассмотрению реализации региональных особенностей русского языка в Байкальском регионе для достоверного её воссоздания в языке произведения.

Ключевые слова: экзотизмы, иноязычная культура, безэквивалентная лексика, историзмы, региональный русский язык.

Обращение к теме обусловлено новым подходом к изучению языка художественных произведений в современной лингвистике с точки зрения описания в них национальной картины мира. Язык художественных произведений, воссоздающих картины мира разных народов России средствами русского языка, как показывают работы последних лет, выступает также одним из источников изучения актуальной проблемы — изучение особенностей регионального функционирования русского языка в пространстве многонациональной России. В контексте указанной проблемы исследование языка романа позволит пополнить данные о вариантном функционировании русского языка в Байкальском регионе при воссоздании монголоязычной национальной картины мира.

В нашей статье рассмотрим, как И. К. Калашников, русскоязычный писатель, сумел раскрыть национальную картину мира монголоязычных народов в своём произведении. Основная цель работы: рассмотреть употребление экзотизмов в романе с точки зрения их роли в русскоязычном художественном тексте для воссоздания описываемой картины мира, отметить региональный характер их функционирования в русском языке на территории Байкальского региона.

Роман И. К. Калашникова «Жестокий век» — это исторический роман-эпопея о Чингисхане — «человеке тысячелетия», написанный на русском языке [6]. В нём воплощена широкая панорама событий конца XII — начала XIII в., происходивших на огромной территории, участниками которых выступают многочисленные степные племена Монгольской империи; описаны завоевательные

походы Чингисхана, создание монгольского государства.

Впервые затронула проблему изучения языка романа «Жестокий век» И. К. Калашникова О. А. Нечаева [9], позднее вышла статья К. Н. Матвеевой [8]. О. А. Нечаева отмечает большое количество монгольских, китайских, тибетских слов, использованных для создания колорита природы, обычаев восточных народов. К ним относятся бытовая лексика, названия растений, оружия, племён и т. д. Автор приводит следующие примеры из романа: «заросли *харганы*», «нарезать *дэрисуна*», «алые угли *аргала*», «*дзерены*», «широчайшая *норма*» (одежда); племена: *тайчиуты*, *меркиты*, *кэрэиты*, *хунгираты* и др. [9, с. 107].

Об употреблении большого количества монголизмов — названий титулов степной аристократии древних монголов, их вассалов, рабов-прислужников, слуг при создании картины жизни древней Монголии для исторической стилизации пишет и К. Н. Матвеева. Приводятся следующие примеры названий людей: *баурчи*, *нукер*, *агтачи*, *харачу*, *богол* и др.; названий поселений, территориальных единиц: *ордо*, *улус*, *курень*, *нутуг*, *аил*; названий множества монгольских племён: *кераиты*, *меркиты*, *хунгариты*, *тайчиуты* и др.; лексика диких степных животных, растений: *хуланы*, *дзераны*, *хилгана*, *дерисун*, *хамхул*; названий кушаний: *тарак*, *хурут*, *шулюн*; названий одежды, обуви: *бахтаг*, *гутулы*, *номрог* и др. [8, с. 65]. Анализируя эту лексику, автор рассматривает каждое из выявленных слов монгольского происхождения, приводя к ним соотносительные русские лексические номинации из близкой семантической сферы, и аргументирует, почему их нельзя заменить рус-

ским словом. Например: «Слово *нойон* общемонгольского происхождения. Означает “господин, князь, начальник”. В древней Монголии так называли главу аристократического дома, при этом предводители получали власть не по старшинству в роде, а по качествам: наиболее сильные, смелые, ловкие, богатые. И. К. Калашников не мог заменить русским словом *князь*, так как слова *нойон* и *князь* имеют различия в семантической структуре, связанные с различиями в культуре монгольского и русского народов [8, с. 65].

В рассмотренных статьях авторы затронули проблему языка русскоязычного произведения, в котором изображается иноязычная культура, и отметили языковые средства, использованные автором для передачи колорита описываемой восточной культуры. Эти языковые средства вполне соответствуют требованию Г. О. Винокура, писавшего о том, что язык исторического произведения должен быть понятным, эстетически удовлетворительным для читателя и отвечать его желанию почувствовать колорит эпохи [2, с. 408, 411].

Языковые единицы, использованные в романе для изображения восточной культуры, требуют дальнейшего исследования в свете отмеченных нами новых задач. Объём работ О. А. Нечаевой, К. Н. Матвеевой не позволил сделать полную выборку и анализ всех монголизмов из романа И. К. Калашникова, поэтому имеются перспективы для работы.

Как показывают наши наблюдения, восточная лексика, включённая в языковую ткань произведения, имеет национально-культурную окраску, которая придаёт особое звучание языку всего романа. Восточная лексика относится к безэквивалентной лексике. По мнению многих современных исследователей, безэквивалентная лексика с национально-культурной семантикой, включающая экзотическую, этнографическую лексику, относится к языковым средствам воплощения языковой картины мира. В настоящей работе термины «безэквивалентная» и «экзотическая» лексика мы употребляем как синонимичные.

Осмысление нами авторского замысла, связанного с выбором языковой формы произведения, позволяет отметить, что написать его мог только писатель, глубоко погружённый в культуру монгольских народов. И. К. Калашников родился и вырос вблизи исторических мест, где происходили описываемые им события, с детства знаком с монголо-бурятской культурой, изучал историю родного края, впитывая в себя всё богатство бу-

рятской культуры, фольклора, языка. Известно, что, стремясь создать художественную систему, которая позволила бы точнее, выразительнее представить монгольскую национальную картину мира в художественном произведении на русском языке, И. К. Калашников глубоко изучал древние манускрипты в монастырских библиотеках Монголии, обучался монгольскому языку, погружался в изучение монгольской культуры, чтобы приблизиться к языку изображаемой эпохи и культуры народа. Для передачи особенностей культуры изображаемого им народа автор отбирает и включает в язык произведения лексические единицы, которые воссоздают дух эпохи, традиций, обычаев, колорита местности, в которой происходит действие. Сознательное, художественно мотивированное включение языковых единиц, организуя художественный текст, отражающий описываемую культуру, позволяет ему передать неповторимый колорит монгольской культуры далёкой эпохи.

Методом сплошной выборки мы выявили из романа И. К. Калашникова «Жестокий век» экзотические слова наделённые национально-культурной семантикой (см.: 3, 4, 5). Выявленная экзотическая лексика в основном относится к общемонгольской лексике, поэтому для русскоязычных читателей (в том числе билингвов), владеющих родными монгольскими языками (бурят, калмыков), не составляет трудности для понимания. Эти слова органично вписываются в текст произведения, достоверно воссоздавая изображаемую картину мира. Но для широкого круга читателей экзотическая лексика требует от автора умелого введения её в язык романа, что составляет одну из задач нашего исследования. Итак, одной из задач исследования является изучение метаязыка романа — использование лингвостилистических приёмов словесного оформления экзотизмов.

Настоящая работа, посвящённая изучению языковой картины мира в художественном произведении о Чингисхане, является продолжением изысканий, начатых в ранее опубликованных нами трудах [3–5]. В данной работе проанализируем лексику — названия одежды, пищи и быта (22 слова), использованных автором в романе для воссоздания монгольской культуры, а также культуры других восточных народов. Названия одежды, пищи и быта входят в большую группу этнографических слов-реалий, к которой относятся и слова, обозначающие религиозные представления, реалии традиционного искусства, фольклора.

Представим методику анализа названной группы слов. Разделив выбранные слова на тематические группы (подгруппы), рассмотрим приёмы введения безэквивалентных слов в текст произведения, определим их контекстуальные значения и дадим их описание по словарям, в которых они зафиксированы [7; 12–14], и интернет-источникам. Словарь К. М. Черемисова, а также приводимое нами описание слова в научной литературе (в некоторых случаях) позволит определить принадлежность слова к монголоязычной лексике, «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова покажет особенности употребления этих слов в региональном русском языке, словарь Л. П. Крысина раскроет происхождение заимствованных слов из различных восточных языков, фиксация тех или иных заимствованных слов в «Словаре современного русского литературного языка» (далее ССРЛЯ) отражает их бытование не только как региональных, но и распространённых на всей территории России. Такой анализ позволит определить, какие реалии действительности, обозначаемые анализируемыми словами, широко известны носителям русского языка, какой культурный фон создают эти слова в языковой ткани романа, насколько оправданно включение этих слов в произведение на русском языке.

Выделены следующие подгруппы слов **названный одежды**:

1. Названия обуви. Например: *Перед собой он видел гутулы Тайр-Усуна с загнутыми носками* [«Жестокий век» (далее Ж.в.), ч. 1, с. 10].

Автор вводит слово *гутулы* без пояснений, контекстуально можно определить, что речь идёт об обуви. Возможно, автор не счёл нужным толковать значение слова *гутал* как известного русскоязычному читателю в пространстве России.

Толкование слова имеется в словарях К. М. Черемисова [13, с. 161] и Л. Е. Элиасова [14, с. 96]. Описание этого вида обуви дано в монографии Ц. Б. Базаровой [1, с. 46].

Отметим, что *гутулы* современные буряты не носят, поэтому слово перешло в пассивный запас лексики, относится к историзмам.

2. Названия головных уборов. Например: *малахай*: *Сдвинув на затылок малахай, Чиледу долго вслушивался.* [Ж. в., ч. 1, с. 17]. Писатель не даёт пояснений к слову.

В «Бурятско-русском словаре» К. М. Черемисова: *малгай* — *шапка*, шляпа, головной убор [13, с. 291]. В словаре Л. Е. Элиасова находим другое толкование: *Малахай* — верхняя одежда, шитая

больше необходимого размера. Пример из словаря: *Пальто до пят, такой малахай носить не буду* (Хилок) [14, с. 193]. [См. также: 1].

В ССРЛЯ [1957, т. 6, с. 522]: Малахай, -я, м. 1. Тёплая меховая или подбитая мехом шапка с широкими наушниками и плотно прилегающей к шее задней частью. *Одетые в дублёные полушубки, тулупы, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бежали мужики за своими возами.* С. Акс. Буран. *Тут были и татары, и башкиры в серых войлочных зипунах и меховых бараньих треугольных шапках, или малахаях.* Решетн. Где лучше? *На голове у меня малахай из меха молодого барана, обшитый сверху зелёным бархатом.* Пришв. Длинн. ухо. 2. Обл. Широкий кафтан без пояса. *Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает. Хлеб за пазуху кладёт, Караул держать идёт.* Ёрш. Конёк-горбунок. — Слов. Акад. 1793: малахай. — От калмыцк. махла.

Чалма: *Они стали двумя рядами, опустив головы в шёлковых чалмах* [Ж.в., ч. 2, с. 366]. Название головного убора в текст художественного произведения вводится без пояснения. По-видимому, автор не счёл нужным толковать значение слова как известное русскоязычному читателю в пространстве России.

В словаре Л. П. Крысина: *чалма* [тюрк. *сата*] — у мусульман мужской головной убор — длинный кусок ткани, туго обёртываемый вокруг головы, другого головного убора [7, с. 876].

Бохтаг: *На голове покачивается, взблескивает спица бохтага.* Автор даёт пояснение к этому слову в скобках сразу после употребления следующим образом: [Бохтаг — головной убор женщин эпохи XII–XIII вв.] [Ж. в., ч. 1, с. 28].

Слово относится к историзмам. И. К. Калашников даёт следующий комментарий: «Слово упоминается в летописи “Алтан тобчи” как “бокто”». В словарях это слово отсутствует.

Имеется толкование слова в работе французского исследователя Ж.-П. Ру (перевод на русский З. З. Сажиновой): *Бохтаг* — специфичный очень высокий головной убор и причёска монгольских замужних женщин [10, с. 612].

3. Названия верхней одежды. Например: **номрог**: *Широкие складки номрога — одежды замужних женщин — скрывают очертания её тела, но всё же ему кажется, что Оэлун заметно пополнила* [Ж.в., ч. 1, с. 28]. Автор даёт описательное толкование слова **номрог** в самом предложении как приложение. Слово относится к архаической лексике, в словарях отсутствует.

Доха: *Перед отъездом она достала из своей повозки доху чёрного соболя, подбитую узорчатым шёлком, с поклоном преподнесла Оэлу* [Ж.в., ч. 1, с. 123]. Слово вводится в текст без пояснений автора. По нашим наблюдениям, это слово употребляется в региональном русском языке, т. е. заимствовано русским языком с сохранением звукового облика.

В словаре К. М. Черемисова: **дах** — доха, зимний тулуп [13, с. 189]. Описание этого вида верхней одежды дано в монографии Ц. Б. Базаровой [1, с. 46].

В ССРЛЯ [1954, т. 3, с. 1066]: Доха́, -й, мн. до́хи, ж. Шуба с верхом и подкладкой из меха. *Поверх шинели [красноармейца] накинута огромная баранья доха с широчайшим воротником. Доха длинная, до самых пят, в ней тепло даже в лютую вьюгу.* Н. Остр. Как закал. сталь, ч, II, гл. 4. — С иным написанием: даха́. — Даль, Слов.: до́ха и даха́; Слов. Акад. 1895: доха́.

Чапан: *Первыми шли туркмены в косматых бараньих шапках и узких чапанах* [Ж.в., ч. 2, с. 456]. Слово вводится в текст без пояснений автора. В словаре Л. П. Крысина: **чапан** (*чепан*) [тюрк. *sapan*] — у народов Средней Азии: стёганый халат без пуговиц с поясом [7, с. 877].

Лексика, обозначающая жильё, мебель, посуду и другие предметы быта.

Юрта: *Там люди живут не в войлочных юртах, не в кибитках, у них дома из глины* [Ж.в., ч. 1, с. 258]. Слово вводится в текст без пояснений автора.

В словаре Л. П. Крысина: **юрта** [тюрк. *jurt* — место жительства, стоянка, жилище] — у народов Центральной и Средней Азии, переносное жилище, состоящее из деревянного каркаса, покрытого войлоком, с крышей конической или куполообразной формы [7, с. 938].

Гарем: *Я боюсь, что меня отдадут кому-нибудь в гарем* [Ж.в., ч. 2, с. 425]. Слово вводится в текст без пояснений автора.

В словаре Л. П. Крысина: **гарем** [араб. *haram* запретный] — 1) женская половина дома у мусульман, куда было запрещено входить мужчинам (кроме мужа и сыновей); 2) собир. жёны и наложницы богатого мусульманина [7, с. 179].

Фанза: *Глинобитная фанза в предместье столицы — его родной дом — стояла заколоченной, бумага на окнах порвалась и висела клочьями* [Ж.в., ч. 1, с. 105]. Слово вводится в текст без пояснений автора.

В словаре Л. П. Крысина: **фанза** — [кит. *fan-czu*] тип традиционного жилища в Китае, Коре:

небольшой дом на каркасе из деревянных столбов [7, с. 814].

В ССРЛЯ [1964, т. 16, с. 1243]: Фанза, -ы, ж. Китайское или корейское жилище сельского типа. *Уже попадают корейские фанзы, с их плоскими камышовыми крышами, покрытыми верёвочной сеткой, с их отдельно стоящими, высокими деревянными трубами, их бумажными окнами и дверями.* Гарин, Из дн. кругосв. путеш. 1. *Пошли дожди, мы перебрались из палаток в китайскую фанзу.* Верес. На япон. войне, 4. *Я вошёл в одну из фанз. Тонкие стены её были обмазаны глиной изнутри и снаружи.* Арсен. По Уссур. краю, 3. — С иным удар.: фанза́. — Энци. слов. Березина: глиняная фанза (кирпич); БСЭ. фанза; Ушак. Толк. слов. 1940: фанза и фанза́; Ожегов, Слов. 1949: фанза́; Ожегов, Слов. 1952: фанза и фанза́; Ожегов, Слов. 1960: фанза. От кит. фан-цзы.

Ширдэг: <...> *И толстый постельный войлок — ширдэг, и мягкое одеяло из шкур молодых баранков...* [Ж.в., ч. 1, с. 122]. Слово вводится в текст с пояснением автора — постельный войлок.

В словаре К. М. Черемисова: **ширдэг** — бур. *шэрдэг* — матрац, стёганый тюфяк [13, с. 748]. Наблюдения показывают, что произошло фонетическое и семантическое освоение бурятского слова в региональном русском языке.

Олбог: <...> *и целая стопка стёганых войлоков — олбогов — для сидения — все её.* [Ж.в., ч. 1, с. 353]. В этом примере автор вводит безэквивалентное слово путём перевода. На наш взгляд, такой способ введения слова самый удобный: безэквивалентное слово (экзотизм) органично вписывается в контекст произведения.

В словаре К. М. Черемисова: **олбог** — подстилка, тюфяк, предназначенный для сидения [13, с. 366].

Хоймор: *В хойморе' юрты полукругом сидело человек десять нойонов* <...> Автор даёт пояснение безэквивалентного слова (экзотизма) в виде описательного перевода сразу после употребления его в скобках следующим образом: [*'Хоймор — почётная часть юрты.*] [Ж.в., ч. 2, с. 275].

В словаре К. М. Черемисова: **хоймор** — 1) северная сторона; 2) перен. почётное место (в юрте) [13, с. 577].

Кан: *В первой половине возле печки в куче мусора шуршали мыши, во второй, почти полностью занятой каном — лежанкой, серел толстый слой пыли* <...> [Ж.в., ч. 1, с. 105]. Значение безэквивалентного слова (экзотизма) дано путём перевода слова одновременно с его употреблением.

В ССРЛЯ [1956, т. 5, с. 742]: Кан, -а, м. В домах китайцев и корейцев — расположенный вдоль стены невысокий каменный или глиняный выступ, под которым проходят печные трубы; лежанка. У задней стены небольшой кан, т. е. китайская тёплая лежанка. Обруч. В дебрях Центр. Азии. Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает большие половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах. Арсен. По Уссур-тайге. — Из китайск.

Дастархан. Слуги разостлали на ковре *скатерть-дастархан*, принесли тарелки с мандальным пирожным, вяленой дыней, запечёнными в тесте орехами [Ж.в., ч. 2, с. 361]. В этом предложении автор предваряет значение безэквивалентного слова путём его перевода — скатерть.

Дастархан — в Средней Азии, а также у некоторых других народов Востока скатерть, используемая во время трапез [ru.wikipedia.org].

Кумган: По правую руку у входа стояла широкая скамья, застланная льняной скатертью, на ней серебряные *кумганы* с кумысом и чаши [Ж.в., ч. 2, с. 437]. Автор вводит в текст слово **кумган** без пояснений.

Кумган (тюрк.) — металлический или керамический сосуд для воды и вина. Металлические кумганы известны с древности в странах Среднего и Ближнего Востока; обычно имеют форму узкогорлого кувшина с длинным носиком, ручкой и крышкой [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/1650].

В ССРЛЯ [1956, т. 5, с. 1834]: Кумган, -а, м. У тюркских народов и кавказских горцев — высокий кувшин с носиком. *Хаджи-Мурат засучил рукава бешимета на мускулистых, белых выше кистей руках и подставил их под струю холодной воды, которую лил из кумгана Садо.* Л. Толст. Хаджи-Мурат. По сторонам [кибитки] расставляются кумганы, особого рисунка чугунные рукомошники. Небольс. Расск. проезд. Перед ним [татарин] на столе стоял кунган с горячей водой. Печер. На Горах. — С иным напис. и произнош.: кунган (примеч. см. выше). — Опыт обл. слов. Акад. 1852: кумган. — Тюрк., кунган и кумган.

Названия других предметов.

Арык: Дверь дворцового покоя была распахнута настежь, во внутреннем дворике журчала вода *арыка* [Ж.в., ч. 2, с. 306]. Автор вводит в текст слово **арык** без пояснений.

В словаре Л. П. Крысина: *арык* [тюрк. *aryk*] — в Средней Азии: оросительный канал, канава [7, с. 92].

В ССРЛЯ [1950, т. 1, с. 202]: Ары́ки, -ов, мн. (ед. ары́к, -а, м.). Оросительные каналы (канавы) в Средней Азии. *Кругом зелень, камыши, вётлы. Бойкие реки, шумящие арыки с прохладной водой.* Неверов. За хлебом, 1У. Ары́чный, прил. Ары́чная вода. Энци. слов. Березина 1874: арык. — Тюрк. арык — водный канал.

Аргал: У неё на родине дров нет, там жгут *сухой навоз* — **аргал**. [Ж.в., ч. 1, с. 28]. В этом предложении автор предваряет пояснением значение безэквивалентного слова путём его перевода.

Слово зафиксировано в словарях К. М. Черемисова [13, с. 57], Л. П. Крысина [7, с. 84].

Пайцзы: Ему нужно встретиться кое с кем из купцов, передать им *серебряные пластинки* — **пайцзы**, <...> [Ж.в., ч. 2, с. 420]. Автор предваряет пояснением значение безэквивалентного слова путём его перевода.

В ССРЛЯ [1959, т. 9, с. 36]: Пайцза. См. 1. Пайза, -ы, ж. Табличка, выдававшаяся монгольскими ханами лицам, отправляемым с каким-либо поручением, и служившая им удостоверением и пропуском. *Золотая пайза. Иметь пайзу. Из тонкой кисеи чалмы выпала овальная золотая пластинка. Давиши поднял её...* — Это пайцза великого татарского кагана. Ян, Чингисхан. — С иным напис. и произнош.: пайцза (прим. см. выше), пайдза. — БСЭ (2-е изд.): пайза, пайдза. — Китайск. Paiz (пайцзы).

Слова, называющие пищу, напитки.

Архи: Там есть немного *архи* и сушёного мяса — *приготовил для встречи...* [Ж.в., ч. 1, с. 9]. Часто упоминающемуся в романе напиток писатель не даёт толкования, слово широко распространено в Байкальском регионе.

В словаре К. М. Черемисова: *архи* — арака, молочная водка, водка, вино [13, с. 60]. В словаре Л. Е. Элиасова: *архи* — самогон из молока [14, с. 55].

Хурут: Когда уходил в поход, в юрте осталось в запасе совсем немного *хурута*, но он надеялся, что жена недолго будет без работы, а если она работает — доит коров Есугея, — ей каждый день дают на пропитание молоко [Хурут — сушёный творог] [Ж.в., ч. 1, с. 33]. Автор даёт пояснение этому слову в скобках сразу после употребления.

В словаре К. М. Черемисова: *хурут* — бур. *хурууд* — спресованный творог, самодельный сырок [13, с. 603].

Тарак: Сорган-Ши́ра делал для Таргутай-Кири́л-туха кумыс и **тарак**, у него всегда было в запасе что-нибудь съестное [Ж.в., ч. 1, с. 64]. [Тарак — молочный продукт]. Автор даёт пояснение этому слову в скобках сразу после употребления.

В словаре К. М. Черемисова: *тарак* — бур. *ta-rag* — простокваша [13, с. 101].

Кумыс: *Пей больше кумыса. Кумыс — напиток добрый* [Ж.в., ч. 1, с. 158]. Устами героя романа даётся пояснение названия этого продукта общеродовым словом — напиток.

В словаре Л. П. Крысина: *кумыс* — кисломолочный напиток из кобыльего молока [7, с. 416].

В ССРЛЯ [1956, т. 5, с. 1837]: *Кумыс*, -а, м. Напиток из перебродившего кобыльего молока. *Колена преклонив, она К его устам кумыс прохладный Подносит тихую рукой.* Пушкин. Кавк. пленник. — *А наступит весна, ожеребятся кобылы, начнёт башкир кумыс пить — в месяц его так разнесёт, и не узнаешь. — Неужто... от кумыса? — Да, кобылье молоко квашеное так называется.* Салт. Пошех. старина. *Все [киргизы] снова протянули свои чаши за кумысом к степному царю. И полилось кислое, пьянящее молоко на разгорячённые сердца.* Пришв. Черн. Араб. ~ На кумыс (поехать, отправить(ся) и т. п.). Поехать, отправиться и т. п. лечиться кумысом. — *Я послезавтра на Волгу поеду, — сказал Саша, — ну, а потом на кумыс. Хочу кумыса попить.* Чех. Невеста. — Срезневский: *кумызь*; Слов. Акад. 1847: *кумы́с*. — От тюрк. *кымыз*.

Как показывает проведённое исследование, в романе, написанном на русском языке, употребляется много слов из монгольских, тюркских языков, китайского, тибетского, арабского языков. Использование этих слов необходимо для воссоздания национального своеобразия культуры монголоязычных народов эпохи Чингисхана.

Рассмотрев метаязыковые способы введения в текст безэквивалентной лексики, можем отметить мастерство И. К. Калашникова как художника слова. Он умело вводит в текст романа экзотические слова, давая пояснения к ним разными способами: путём описательного перевода, синонимического перевода либо в препозиции, либо в постпозиции к безэквивалентному слову; сопровождает историко-культурологическими комментариями без нарушения общего стиля текста произведения. Создаваемые писателем метаязыковые контексты выступают как средство взаимодействия автора с читателем: метаязыковые комментарии, трактовки дают читателю нужные сведения, способствующие созданию у него необходимых ассоциаций, заданных автором, определяют общий для создателя текста и его читателя код. Их основная функция в тексте — предупредить возможные вопросы.

Писатель словно видит перед собой своего читателя и погружает его в описываемый мир через

введение слов-реалий, комментируя их, разъясняя для русскоязычного читателя. Восточная экзотическая лексика таким образом служит стилистическим средством отображения культуры создаваемой картины мира, одним из средств выражения принципа историзма художественного произведения, повествующего о реальных исторических событиях.

Как показывает исследование, язык художественных произведений может выступать источником изучения заимствованной (безэквивалентной, экзотической) лексики, употребляемой как ёмкое выразительное средство создания иноязычной культуры в русскоязычном произведении. В контексте проблемы исследования вариантных особенностей функционирования русского языка в России возникает вопрос о том, какие из рассмотренных слов можно отнести к освоенным русским языком, какие к частично освоенным, то есть употребляемым в русском языке, но с сохранением экзотической окраски; какие слова относятся к собственно экзотизмам, то есть их значение для русскоязычного читателя неясно, требует пояснений. Это сложный вопрос, решение которого требует дальнейшего изучения на более обширном языковом материале.

На рассмотренном нами материале можно отметить следующее. В полиязычном пространстве России некоторые из этих слов известны всем носителям русского языка (а также билингвам). Например: *чалма, юрта, гарем, арык, кумыс*. Кроме названных слов, есть и такие, которые широко распространены и употребительны в русском языке на территории Байкальского региона: *малахай, архи, доха, гутулы, тарак*. Следует отметить, что толкование некоторых экзотических слов, употреблённых в романе, отсутствует в словарях, поэтому они могут пополнить лексикографические источники. Например, историзмы монгольского языка, такие как *бохтаг, номрог* и др. С этой точки зрения изучение языка романа представляет особую практическую ценность, так как фиксирует монгольские слова, вышедшие из употребления в современном языке.

Интересно отметить, что слова *малахай, доха, фанза, кан, кумган, арык, пайцза, кумыс* зафиксированы в разных изданиях ССРЛЯ, хотя это не исключает их экзотического звучания и особого культурного фона, создаваемого ими при употреблении в русскоязычном тексте. Они и попали в ССРЛЯ из русскоязычных текстов, поэтому при их толковании в качестве иллюстративного

материала в словаре приводятся примеры из текстов художественных произведений.

Но некоторые слова сохраняют семантику экзотичности для жителей одних регионов, для жителей же других регионов они хорошо известны и не имеют экзотической окраски. Например, употребительные в русском языке на территории Байкальского региона: *малахай, архи, доха, гутулы, тарак* — не являются экзотизмами, для жителей других регионов — это экзотизмы.

Большинство экзотизмов относится к лексике из языков народов России (шире из языков народов, составлявших в недавнем прошлом Советский Союз), когда существовала глубокая интеграция во всех сферах жизни, проявившаяся в заимствованиях русским языком из национальных языков, что и нашло отражение в ССРЛЯ. Поэтому можно разделить экзотизмы, употреблённые в романе, с точки зрения иноязычной (иностранной) и российской (советской) в аспекте территориального распространения. В ССРЛЯ зафиксированы как слова из иностранных языков (напр., *фанза, кан, пайцзы*), так и лексика из языков народов России (*малахай, доха, дастархан, кумган, арык, кумыс*). Многие экзотизмы из языков народов СССР упо-

треблены И. К. Калашниковым без комментариев, что и отличает их от иностранных слов. По-видимому, автор счёл их широко распространёнными и известными русскоязычному читателю в пространстве России (например, *гутал, малахай, чалма, доха, чапан, юрта, гарем, кумган, арык, архи*).

Текст романа И. К. Калашникова представляет особенный язык, насыщенный метаязыковыми контекстами (трактовыми), что составляет особенность идиостиля писателя. Специфика метаязыковых комментариев в романе во многом определяется индивидуальным стилем автора. Анализ безэквивалентной (экзотической) лексики в произведении показывает, что слова с национально маркированной семантикой создают в языковой ткани текста особенный фон и выполняют в художественном произведении особую стилистическую роль. Их значимость обусловлена тем, что они выступают хранителями культуры, истории народа, поэтому их использование как одного из средств отображения исторической эпохи в романе позволяет писателю достоверно воссоздать в романе культуру монголоязычных народов эпохи XII–XIII вв.

Список литературы

1. Базарова Ц. Б. Национальная одежда агинских бурят. Лексико-семантический аспект. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2003.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы // О языке исторического романа. М. : Высшая школа, 1991. С. 407–430
3. Егодурова В. М. Имена собственные в русскоязычном романе И. К. Калашникова «Жестокий век» как отражение эпохи Чингисхана // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : материалы XI международной научной конференции, 20–23 декабря 2017 г. Майкоп, 2017. С. 188–194.
4. Егодурова В. М. Отражение менталитета монголоязычных народов в русскоязычном романе И. К. Калашникова «Жестокий век» (на материале пословиц и поговорок) // Мир Центральной Азии – 4 : материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 4–7 октября 2017 г. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 403–408.
5. Егодурова В. М., Эрдынеева В. Б. Экзотизмы как отражение восточной культуры в романе И. К. Калашникова «Жестокий век» (на материале лексики с номинацией социально-политического устройства монгольского общества Чингисхана) // Язык в различных сферах коммуникации : материалы международной научной конференции, 29–30 сентября 2016 г. / Забайкальский госуниверситет; сост. Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 61–63.
6. Калашников И. К. Жестокий век. М., 1978.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2008. 944 с.
8. Матвеева К. Н. Монголизмы в романе И. Калашникова «Жестокий век» // Язык художественных произведений писателей Сибири : сборник статей / М-во образования РФ, БГПИ им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1992. С. 64–70.
9. Нечаева О. А. О языке и стиле романов И. Калашникова «Разрыв-трава» и «Жестокий век» // Язык художественной литературы Бурятии / АН СССР СО БФ Ин-т общ. наук. Улан-Удэ, 1982. С. 101–109.

10. Ру Ж-П. История империи монголов / пер. с фр. З. З. Сажиневой. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006.
11. Русский язык : энциклопедия. — М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. 703 с.
12. Словарь современного русского литературного языка. в 17 т. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1957; 1954, 1964, 1956, 1950, 1959.
13. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М. : Совет. энцикл., 1973. 800 с.
14. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М. : Наука, 1980.

Сведения об авторе

Егодурова Виктория Макаровна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет. Улан-Удэ, Россия. egodurova52@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 46—54.*

EXOTICISMS IN I.K. KALASHNIKOV'S NOVEL “CRUEL AGE” AS A MEANS OF DISPLAYING THE ERA OF GENGHIS KHAN (Based on the Names of Clothes and Everyday Life)

V.M. Egodurova

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. egodurova52@mail.ru

The article is devoted to the identification of exoticisms in the novel from the point of view of their role in the display of the national world picture of the Mongolian peoples in the Russian-language literary text, as well as in the implementation of the regional features of the Russian language in the Baikal region for its reliable re-creation in the language of the novel. The methods of introducing equivalent words into the text of the work are considered, their contextual meanings are determined and their description is given according to the dictionaries in which they are recorded and to Internet sources. It was revealed that the novel, written in Russian, uses many words from the Mongolian, Turkic, Chinese, Tibetan, Arabic languages. The inclusion of a large number of equivalent-lacking words with national-cultural coloring in the Russian-language historical epic novel allowed the author to create a work of art with a great power of truthfulness, authenticity in depicting the real events of the Genghis Khan era through the exact recreation of the color and uniqueness of the Mongolian culture.

Keywords: *exoticisms, foreign language culture, equivalent vocabulary, historicisms, regional Russian language.*

References

1. Bazarova, C.B. (2003) Nacional'naja odezhda aginskih burjat. Leksiko-semanticheskij aspekt [National clothes of the Agin Buryats. The lexical and semantic aspect]. Ulan-Udje, Izd-vo BGU, 2003. [in Russ.].
2. Vinokur, G.O. (1991) O jazyke hudozhestvennoj literatury [About the language of fiction. *O jazyke istoricheskogo romana* [About the language of a historical novel]. Moscow, Vysshaja shkola Publ. Pp. 407–430. [in Russ.].
3. Egodurova, V.M. (2017) Imena sobstvennye v russkojazychnom romane I. K. Kalashnikova «Zhestokij vek» kak otrazhenie jepohi Chingishana [Proper names in the Russian-language novel by I. K. Kalashnikov “Cruel Age” as a reflection of the era of Genghis Khan]. *Russkij jazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve juga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy*. Materialy XI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 20–23 dekabrya 2017 goda [Russian language and onomastics in the multicultural educational space of the south of Russia and the North Caucasus: problems and prospects. Materials of the XI international scientific conference December 20–23, 2017. Majkop, 2017. p. 188–194. [in Russ.].
4. Egodurova, V.M. (2017) Otrazhenie mentaliteta mongolozazychnyh narodov v russkojazychnom romane I. K. Kalashnikova «Zhestokij vek» (na materiale poslovic i pogovorok) [Reflection of the mentality of

Mongolian-speaking peoples in the Russian-language novel by I. K. Kalashnikov “The Cruel Age” (based on proverbs and sayings)]. *Mir Central'noj Azii – 4: sbornik nauchnyh statej. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ulan-Udje, 4–7 oktjabrja 2017 g. [World of Central Asia — 4: a collection of scientific articles. Materials of the international scientific conference. Ulan-Ude, October 4–7, 2017]. Irkutsk, Ottisk Publ. Pp. 403–408. [in Russ.].

5. Egodurova, V.M., Jerdyneeva, V.B. (2016) Jekzotizmy kak otrazhenie vostochnoj kul'tury v romane I. K. Kalashnikova “Zhestokij vek” (na materiale leksiki s nominaciej social'no-politicheskogo ustrojstva mongol'skogo obshhestva Chingishana) [Exoticisms as a reflection of Eastern culture in the novel by I. K. Kalashnikov “Cruel Age” (based on vocabulary with a nomination of the socio-political structure of the Mongolian society of Genghis Khan)]. *Jazyk v razlichnyh sferah kommunikacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 29–30 sentjabrja 2016 goda* [Language in various areas of communication. Materials of the international scientific conference September 29–30, 2016]. Chita, Zabsu Publ. P. 61–63. [in Russ.].

6. Kalashnikov, I.K. (1978) *Zhestokij vek* [Cruel age]. Moscow. [in Russ.].

7. Krysin, L.P. (2008) *Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Jeksmo publ. 944 p. [in Russ.].

8. Matveeva, K.N. (1992) *Mongolizmy v romane I. Kalashnikova «Zhestokij vek»* [Mongolisms in I. Kalashnikov's novel “The Cruel Age”]. *Jazyk hudozhestvennyh proizvedenij pisatelej Sibiri: sb.st./M-vo obrazovanija RF, BGPI im. D. Banzarova* [The language of literary works of writers of Siberia: Sat. / M-education of the Russian Federation, BGPI im. D. Banzarova]. Ulan-Udje. Pp. 64–70 [in Russ.].

9. Nechaeva, O.A. (1982) O jazyke i stile romanov I. Kalashnikova «Razryv — trava» i «Zhestokij vek» [On the language and style of I. Kalashnikov's novels “The Break — Grass” and “The Cruel Age”]. *Jazyk hudozhestvennoj literatury Burjatii* [Language of fiction of Buryatia]. Ulan-Ude. Pp. 101–109. [in Russ.].

10. Ru Zh-P. (2006) *Istorija imperii mongolov/per. s franc. Z. Z. Sazhinovoj* [History of the Mongol Empire / translation from French Sazhinova]. Ulan-Udje, BGU Publ. [in Russ.].

11. *Russkij jazyk* (1997) [Russian language. Encyclopedia.]. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ., Drofa Publ. 703 p. [in Russ.].

12. *Dictionary of modern Russian literary language* (1957; 1954, 1964, 1956, 1950, 1959). In 17 volumes. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. [in Russ.].

13. Cheremisov, K.M. (1973) *Burjatsko-russkij slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ. 800 p. [in Russ.].

14. Jeliasov, L.E. (1980) *Slovar' russkih govorov Zabajkal'ja* [Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia]. Mpscpw, Nauka Publ. [in Russ.].